

Амина Волкова

РАЗВОД
С ПРЕДАТЕЛЕМ.
ТВОЙ ГЛАВНЫЙ ВРАГ
ТЕПЕРЬ РЯДОМ СО МНОЙ!

Амина Волкова

**Развод с предателем.
Твой главный враг
теперь рядом со мной!**

«Автор»

2026

Волкова А.

Развод с предателем. Твой главный враг теперь рядом со мной! /
А. Волкова — «Автор», 2026

За завтраком муж попросил подписать бумаги. Через минуту объявил о разводе.— Теперь на тебе четыреста миллионов долга! Аркадий забрал квартиру, заблокировал счета, а любовница надела моё любимое платье. Сорок три рубля на карте. Сломанная машина вместо дома. Мороз. Меня нашёл Виктор Славин — миллиардер, которого бывший муж боится.— Станешь моей спутницей на два месяца. Я оплачу адвокатов. Я соглашаюсь, но вскоре обнаруживаю, что Аркадий переписал все активы на тайную взрослую дочь. Десять лет он скрывал её, а мне готовил долги. Теперь я могу разоблачить его аферу. Но какой ценой? Ведь Виктор тоже привык превращать людей в инструменты своей игры. И любви.

© Волкова А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	12
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Амина Волкова

Развод с предателем. Твой главный враг теперь рядом со мной!

Глава 1

По субботам Аркадий отрезал корки от тостов. Не ел их никогда, но стоило мне купить хлеб без корки — спрашивал, почему экономлю на продуктах. Сегодня нож ходил туда-сюда, а телефон лежал экраном вниз возле маслѐнки.

— Мы к семи едем?

Он переложил корку на край тарелки.

— Аркадий, мне в синем быть?

Ещё корка. На благотворительном вечере полагалось улыбаться его партнёрам, запоминать имена жѐн и не мешать деловым разговорам. Пять лет назад меня ещё звали выступить. Теперь приглашение приносили одно, на двоих. Я потёрла пальцем манжету кашемирового халата — за ночь она завернулась внутрь — и придумала ему оправдание: не выспался. Без оправдания пришлось бы спросить, почему муж уже двадцать минут делает вид, что напротив пустой стул.

Аркадий убрал маслѐнку и положил на её место папку. У моего тоста отняли всё пространство. Мне даже стало смешно: вот мы и поговорили.

— Технические правки для налоговой оптимизации, — бросил Аркадий, не поднимая головы. — Подпиши прямо сейчас, пока кофе горячий.

Ручка прикрывала заголовок. Я отодвинула её. «Поручительство»? Всю неделю он повторял, что активы в безопасности. Вчера даже спросил, какого размера чемодан мне нужен для отпуска. Я зачем-то продолжала думать о чемодане, разглядывая совершенно чужое слово.

— Мне нужно время прочитать, — тихо сказала я.

Аркадий резко выхватил мою чашку из-под носа. Кофе плеснул на скатерть и залил её белый край.

— Время — деньги, Марина, а ты всегда была медлительной актрисой, — голос его стал тише и опаснее. — Или ты хочешь, чтобы я сомневался в твоём профессионализме?

Ручку я всё-таки взяла. Он умел поставить меня в положение плохой ученицы даже дома: преподаватель ждѐт, весь класс уже написал, одна Марина задерживает урок. Мелкие буквы слипались. Я нашла «солидарно» и перевела взгляд на следующий пункт; Аркадий начал читать вслух быстрее, чем я успевала за ним.

— Это договор поручительства, — он постучал по нужной строке ногтем. — Ты гарантируешь возврат кредитов компании... Все пункты стандартные... Подписывай.

На последнем листе стояла пустая черта. Я вывела «М. Вольская». Он перестал стучать. Ни «спасибо», ни «вот и хорошо» — сразу потянул папку к себе. А я ещё ждала, что он вернѐт кофе и спросит про синее платье.

Как только чернила высохли, Аркадий вырвал документы из-под моих рук, даже не взглянув на них.

— Брак окончен сегодня, — сказал он буднично, взяв со стола телефон. Он включил громкую связь. В динамике раздался смех Лизы, его секретаря. Лиза смеялась и просила его не начинать без неё. Он улыбнулся. Этой улыбкой раньше встречал меня после спектакля —

иногда приходил в гримёрку. Я увидела его сейчас, наклонившегося к телефону, и поняла, почему он не отвечал про платье. Моё место на вечере уже занято.

— А квартира? Счета? — мой голос сорвался на шепот.

Аркадий спокойно перечислял пункты договора, который я подписала вслепую.

— Ты поручилась по кредитам компании. Кредиторы получают и квартиру, и твои деньги. Заявление об аресте счетов уже подано. Решение — вопрос времени.

Он указал подбородком на дверь. Я смотрела на папку: могла бы ещё выхватить её, перевернуть подпись. Он убрал бумаги в портфель и защёлкнул замок.

— Дай мне час собрать вещи, — попросила я. В горле стоял недожёванный тост.

— Охрана получила инструкцию не выпускать никого с личными вещами до решения суда, — отрезал он. — Твоё имущество — залоговое обеспечение.

В этот момент в кухню вошла Лиза. На ней было платье цвета ночного неба — моё любимое платье, которое я так и не успела надеть на тот самый благотворительный вечер. Оно сидело на ней идеально.

— Чем помочь? — улыбнулась она, оглядывая меня с жалостью, как мусорщик осматривает просроченный товар. — Может, упаковать твой мусор?

Я узнала маленькую затычку у её бедра: зацепила платье кольцом, когда примеряла. Даже эту затычку Лиза теперь носила вместо меня. Я отвернулась, не в силах больше смотреть в эти глаза.

Собирать чемодан мне не дали. В спальне я успела натянуть джинсы и свитер, а у выхода схватила куртку, телефон и сумку с паспортом и ключами. Охранник проверил сумку под взглядом Аркадия и выпроводил меня через служебный вход. За дверью я промахнулась мимо ступеньки. Охранник придержал меня за локоть и тут же отпустил — работа сделана. Снег попал за воротник, свитер мгновенно намок. Я стояла посреди заснеженной парковки бизнес-центра, под окнами жилого корпуса, в котором ещё утром у меня была квартира. Телефон в куртке, которую я схватила на бегу, завибрировал. На экране высветилось сообщение от Аркадия: «Старый “Поло” можешь забрать. Всё остальное оставь». Я нащупала ключи в сумке. Хоть дверь машины он пока не мог захлопнуть передо мной.

Пальто за триста рублей оказалось без одной пуговицы. В благотворительном магазине я этого не заметила: там было тепло и висело зеркало, в котором хотелось хотя бы один раз выглядеть одетой. Теперь придерживала полы у горла. На рукаве осталась бумажная бирка; я оторвала её и спрятала в карман, потому что урны поблизости не было. Я стояла перед стеклянной дверью рекламного агентства «Айкон», где когда-то работала моделью для их первой кампании. Теперь здесь висела табличка: «Вакансия администратора. Требуется стрессоустойчивость». Стессоустойчивость — это смешно, когда твой мир рухнул за один завтрак.

В агентстве работала тепловая завеса. Я постояла под ней дольше, чем требовалось для раздевания. Девушка из отдела кадров попросила не занимать проход. У неё на столе лежало моё резюме: фотография, театральное училище, работы в рекламе. Я старалась не смотреть на фотографию. За эти часы успела стать на неё совсем не похожей.

— Я у вас снималась, — напомнила я. — В первой кампании. Там ещё велосипед был.

— Вижу.

Она не перевернула страницу.

— Марина Вольская? — девушка сравнила моё лицо с фотографией. Положила резюме поверх другой стопки. — Мы... мы рассматриваем кандидатов с более стабильной репутацией. Вы понимаете, о чем я. Политика компании по управлению рисками.

— Я не имею отношения к финансовым махинациям бывшего мужа, — голос звучал тихо, предательски просительно. — Я просто хочу работать.

Она уже тянулась к кнопке на телефоне. Я увидела ровный ноготь с прозрачным лаком и зачем-то спрятала свои руки: на них ещё остался кофе со скатерти.

— Слухи, Марина, — это тоже часть реальности для клиентов. Извините. Следующий кандидат уже ждёт.

Я вышла обратно в метель. На ресницах таял снег. Я смахнула его, но следом потекли слёзы. За стеклом девушка уже протирала стол салфеткой — именно там, где лежало моё резюме. Я сунула листы в сумку. Хотелось вернуться и спросить, что конкретно ей сказал Аркадий. Но она нажала кнопку вызова следующего кандидата.

Второй пункт плана — крыша над головой. Объявление гласило: «Комната в коммуналке, тихие соседи, 15 тысяч в месяц». Хозяйка, женщина лет пятидесяти с тяжелыми глазами, открыла мне дверь на лестничной клетке старой хрущёвки. Пахло борщом и сыростью.

— Паспорт, — потребовала она, не приглашая войти.

Я протянула документ. Она бегло просмотрела прописку, затем спросила:

— А поручители есть? Или предоплата за три месяца?

— У меня нет таких денег, — сказала я. — Я только развожусь. Мне нужно место на неделю, пока я найду работу.

Лицо хозяйки исказилось гримасой презрения.

— Разводитесь? Значит, вы одна из тех баб, которые тянут из мужиков всё до нитки, а потом ноют. Мне тут такие «несчастные» не нужны. Мои соседи спят спокойно. Забудьте.

Хозяйка закрыла дверь, не возвращая мне листок с адресом. Сквозь обивку слышался телевизор; там кто-то смеялся. Я стояла на площадке и ждала. Не знаю чего. Может, она всё-таки откроет, скажет, что погорячилась. По щеке потекло, я вытерла нос рукавом. На лестнице хлопнула другая дверь. Вот теперь пришлось идти — нельзя было объяснять ещё одному человеку, почему реву возле чужой квартиры. Паспорт я убрала только со второй попытки: край обложки всё не попадал в карман. «Тянут из мужиков». Я ведь попросила всего неделю.

Глава 2

У «Поло» была одна полезная особенность: его ключ всё ещё подходил к замку. Старый «Фольксваген Поло», который Аркадий оставил мне «как милость», хотя он был куплен задолго до нашего брака на мои деньги. Продать его хватило бы на комнату и еду, но Аркадий уже грозил забрать даже эту машину в счёт поручительства. Бензин заканчивался. Аккумулятор садился на морозе. Я села внутрь, включила зажигание. Стартер провернулся дважды. Я подождала, как учил автомеханик, и попробовала ещё раз. В третий раз он только щёлкнул. Панель погасла. Поправить зеркало, убрать со стекла снег, проверить ручник — находилось сколько угодно ненужных дел, лишь бы не сидеть неподвижно.

Через стекло я увидела фигуру охранника супермаркета. Он постучал кулаком в окно.
— Документы на авто! Машину убирайте, грузовики подъезжают! Это зона разгрузки!

Мои руки дрожали так сильно, что техпаспорт выскальзывал из пальцев. Я протянула бумагу через приоткрытое окно. Охранник вернул документ, даже не перевернув. Пальцем показал на жёлтую разметку под колёсами.

— Ладно. Но если через час тачка будет тут же, вызываю эвакуатор. Если заглохла, звоните владельцу. Пусть забирает.

Он ушёл. Под уклон машина ещё катилась: я отпустила ручник и кое-как вывела её с разгрузочной площадки на край парковки. Теперь хоть грузовикам не мешала. Это было всё, что удалось за день.

Ночью я меняла положение ног: на сиденье, вниз, снова на сиденье. Всё равно мёрзли. Надела поверх свитера куртку, а пальто положила на колени. Окна запотели; снаружи кто-то мог увидеть разве что свет телефона. Телефон лежал на пассажирском сиденье и вдруг зажужжал, ударяясь о пластиковую пряжку ремня. Номер не был сохранён.

Я ответила, прижав аппарат к щеке: он немного грел. Мужчина на другом конце говорил с паузами, будто отмечал нужные поля в анкете.

— Добрый вечер. Компания «ФинТрейд». По договору поручительства №4598 сумма долга увеличилась на пени. Срок оплаты истекает завтра. Если не внести пятьдесят тысяч, начнется процедура ареста имущества и передача дела в суд по уголовной статье за мошенничество при подписании документов.

— У меня нет имущества, — прошептала я.

— Тогда вас найдут, где бы вы ни были. Хорошего вечера.

Гудки. Я посмотрела на баланс карты: 43 рубля. Повторила вслух: «Пятьдесят тысяч». Мотор не заводится, идти некуда. А он пожелал хорошего вечера. Я снова открыла сообщение Аркадия о машине. Он заранее знал, в чём мне придётся спать.

К утру я уже знала часы работы всех магазинов напротив. Пекарня у метро оказалась круглосуточной. Почему не заметила ночью? Снова принялась ругать себя, теперь за вывеску. Толкнула дверь и встала у кассы. Самая дешевая булочка стоила 85 рублей. На карте было меньше; в карманах ещё оставалась мелочь. Но я вошла, надеясь на чудо или хотя бы на стакан горячей воды.

Кассир, парень с наушниками, глянул на моё пальто, на красные глаза, на слипшиеся волосы.

— С вас полная стоимость, — сказал он громко, чтобы слышали люди в очереди. — Скидок для студентов нет. Для бомжей тем более.

Лиза рассказывала, что бариста в её кофейне оставляет ей круассан даже после закрытия. «Уметь надо, Марин». Зачем вспомнилось именно это? Я вытряхнула мелочь на прилавок. Десятка укатилась к кассиру, и я потянулась её забрать.

— Можно частью с карты?

— Только быстро.

За моей спиной вздохнули. Я держала монету, а на ногте был отслоившийся лак; захотелось пояснить всем сразу, что вчера ещё всё было иначе. Вместо этого приложила телефон к терминалу. Монет вместе с остатком на карте хватило на булку. Ела её стоя у окна, не оборачиваясь к кассе. Одну крошку с рукава подцепила пальцем и тоже съела — назло парню, который всё ещё поглядывал на меня.

Нужен был совет. Любой человек, который помнил меня не как жену инвестора, а как Марину. Я набрала номер Кати, подруги детства. Мы вместе сдавали экзамены в театральное училище. Первый звонок — занято. Второй — сбросили. Третий. Катя взяла трубку.

— Алло?

— Катя, это Марина.

Пауза. Тяжелое дыхание. Потом нервный, дрожащий смех.

— Привет... Слушай, я... у меня дети, ипотека, ты же знаешь, как сейчас тяжело всем. Я не могу говорить. Давай позже?

— Кать, мне нужна помощь. Юрист, может быть, или просто... просто выслушать.

— Я не могу, Марина. Правда. Прости.

Гудки. На последнем курсе Катя неделю жила у меня, пока её мать лежала в больнице. Я тогда не спрашивала, когда она вернёт деньги за продукты. Сейчас набрала «Могу хотя бы прийти погреться?» — и стёрла. Она уже сказала: не может.

Вернувшись на парковку, я убрала пакет от булки в бардачок. Там лежал просроченный парковочный талон из театра. Пока читала на нём дату, подъехал чёрный внедорожник. Он встал так близко, что выйти вперёд уже не получилось бы. Я подняла голову и заслонила ладонью от фар.

Я замерла. Внутри сидел Виктор Славин. Я узнала его по фотографиям в деловых журналах, которые Аркадий любил листать за завтраком. Он опустил телефон и посмотрел на меня. Я знала этот взгляд по журналу; тогда думала, что фотограф специально просит бизнесменов не улыбаться. Оказалось, не просит.

«За машиной», — решила я. Ничем другим здесь не пожить. Я незаметно переложила паспорт во внутренний карман. Если заберут сумку, документ останется. Дверь можно открыть с другой стороны, только сначала перелезть через сиденье. Я прикинула, как это сделать, не опрокинув телефон.

Потянулась к ручке и остановилась. Он видел каждое моё движение. Убегать от человека, чья машина в десять раз быстрее, — замечательный план, Марина. Я отпустила ручку. Пусть скажет, за чем приехал. Пока не сказал, нечего отдавать ему машину самой.

Нет.

Я выпрямила спину. Стерла остатки слез рукавом дешёвого пальто. Подняла голову и посмотрела прямо в глаза Виктору через лобовое стекло. Я не просила. Я не умоляла. Я ждала. Пусть первым заговорит он. У меня ещё оставалось право не начинать с просьбы.

Стекло внедорожника опустилось. Виктор подался к окну; мне пришлось открыть своё. На сиденье сразу налетел снег. Он видел это, но начал не с приказа выйти.

— Вы выглядите так, будто готовы убить любого, кто предложит вам помощь. Или я ошибся?

Ветер загнал снег на сиденье и под дворники «Поло». Я смахнула с колен белый комок, не выпуская из другой руки телефон: пять процентов заряда. Хватит на один разговор, если не смотреть время каждые две минуты. В машине зарядка не работала — прикуриватель был давно сломан. Сама же всё собиралась починить, когда появится время. Мотор со вчерашнего вечера не заводился. Бензина оставалось на дне бака. На экране всё ещё висели пропущенные от коллекторов.

— Ошиблись, — ответила я. — Я готова убить того, кто снова назовёт помощью поводок.

Виктор поднял стекло, и на секунду мне показалось, что он уедет. Вместо этого выключил двигатель. Джип по-прежнему загораживал выезд.

На обложках журналов Виктор Славин выглядел старше. Там его подолгу разглядывал Аркадий, тыкая пальцем в цифры доходов. Теперь этот человек шёл к моей двери, и мне не за кого было спрятаться.

Я опустила стекло водительской двери. Холод ворвался внутрь волной, заставив меня закашляться. На улице стоял мужчина в темном пальто. Он не кричал, не махал руками. Просто смотрел. Вблизи он оказался без галстука. Пуговица пальто у горла была застёгнута неровно. Эта мелочь успокоила меня больше, чем все его фотографии рядом с губернаторами: обычная пуговица, обычный человек, с ним можно говорить.

— Выходите, Марина, — сказал он. Голос был тихим, но пробивался сквозь шум ветра отчетливо. — Если вы останетесь здесь еще двадцать минут, вас найдут спасатели или полиция. А если приедут кредиторы Вольского, они сделают вид, что помогли вам... навсегда.

Вцепилась в руль. Сказал бы, что пришёл от Аркадия, — захлопнула бы окно. Не сказала. От этого было хуже: что понадобится ему за помощь? Отопление включить? В квартиру впустить? Я больше не верила слову «просто», особенно если после него шло предложение подписать.

— Уберите машину, — мой голос сорвался на хрип. — Мне нужно ехать.

Он посмотрел на тёмную приборную панель, потом на часы.

— С таким аккумулятором?

Мне захотелось повернуть ключ и доказать, что ещё могу уехать. Ключ торчал из замка, а сил повернуть его не хватило.

— К вечеру будет минус двадцать. Вы уже ночь здесь провели. Вторую выдержите?

Я знала прогноз. Прочла его в телефоне и всё ещё пыталась отменить, натягивая пальто на ступни. Виктор заставил меня услышать цифру вслух. Я распахнула дверь. Холод обжег легкие, ноги соскользнули с педали, и я чуть не упала в снег. Виктор не протянул руки, чтобы помочь мне встать. Он ждал, пока я сама выпрямлюсь, чувствуя, как ветер дергает полы моего пальто.

Глава 3

Мы подошли к его машине ближе. Изнутри тянуло теплом и дорогим табаком.

— Зачем я вам? — спросила я, пытаюсь говорить твердо, хотя зубы стучали. — Я никто. Ни жена, ни актриса, ни человек с деньгами.

Виктор открыл заднюю дверцу и жестом предложил сесть. Я заглянула в салон: сзади никого. На коврике лежала бутылка воды, в кармане двери — парковочные квитанции. Села, стараясь не прислоняться мокрым пальто к светлой коже. Виктор заметил.

— Сиденье переживёт.

Я откинулась. На секунду закрыла глаза, потому что ноги сразу начали болеть от тепла.

— Мне нужна ширма, — сказал он, сев за руль и заведя двигатель. Включил обогрев сильнее. Я разжала пальцы и положила ладони на тёплое сиденье. — Светские рауты, благотворительные ужины. Конкуренты следят за моими связями. Им важно знать, с кем я трачу время. Вы идеально подходите на роль «покинутой красавицы», которую подобрал щедрый инвестор. Это отвлекает внимание от моих реальных сделок.

Я открыла глаза. Вот и цена. Он будет рассказывать гостям, откуда меня подобрали. «Представляете, прямо с парковки». А мне — улыбаться, кивать, показывать, какая хорошая девочка в новых туфлях.

— Вам вывеска нужна?

— Если вам нравится это слово.

Он даже не попытался переименовать сделку в заботу.

— Нет, — я попыталась открыть дверь, но замки щёлкнули. Виктор нажал кнопку разблокировки. Ручка поддалась; я придержала дверцу, не решаясь снова выйти на холод. — Я лучше умру в своей машине.

Виктор даже не повернул головы. Он включил навигатор, и свет экрана осветил его профиль — резкий, властный.

— Долг Вольского составляет четыреста миллионов рублей, — произнес он ровным тоном. — Коллекторы уже знают, где вы спите. Завтра они придут не за деньгами, а за подписью. Или за вами. Я могу остановить их давление и дать адвокатам время проверить поручительство. Или вы можете умереть послезавтра в каком-нибудь канале под мостом. Выбор за вами.

Он произнёс сумму без запинки. Четыреста миллионов. Я никогда не держала в руках даже миллион, а за эту цифру теперь отвечала своим именем. Закрыла дверцу и села глубже в кресло.

— Что за условия? — спросила я тихо.

Он повернулся в кресле, чтобы не разговаривать со мной через зеркало. Я впервые разглядела складку у него между бровями. Складка была и на фото, я помнила; значит, дело не во мне.

— NDA. Полный запрет на любые контакты с бывшим мужем. Никаких интервью, никаких слезливых постов в соцсетях. Вы становитесь моей тенью на два месяца. За это я оплачиваю лучших адвокатов в стране. Они подготовят ходатайство о приостановке взыскания сегодня, не откладывая до понедельника.

Он протянул мне свой телефон. Экран светился ярким белым светом. На экране было сообщение его адвокату: «Марина Вольская согласна на встречу. Нужны заявление об угрозах и проверка поручительства». Палец Виктора лежал над кнопкой отправки.

— Скажите «да», и я отправляю это прямо сейчас. Адвокат начнёт работу через десять минут. Скажите «нет» — и я выведу вас к ближайшему полицейскому участку, но там вам не помогут. Там нет ресурсов. Только бумага.

Вчера мне не пришлось бы думать, кто оплатит адвоката: Аркадий бы сказал, что разберётся сам. Сейчас я ждала, когда Виктор нажмёт «Отправить». Одно нажатие — и у меня будет человек, который хотя бы прочитает этот чёртов договор. Завтра могу пожалеть. Сегодня я уже жалела обо всём, что не сделала вчера.

— Хорошо, — выдохнула я.

Виктор не улыбнулся. Он просто нажал кнопку.

Машина тронулась. Мы ехали молча, пока городская метель не сменилась тишиной заснеженных элитных кварталов. У дома Виктора было столько стекла, что я сначала решила: офис. За окнами виднелся диван, плед на подлокотнике, чьи-то очки на столике. Возле крыльца чистили снег. Человек с лопатой поднял голову и кивнул нам, не спрашивая, кто я такая.

У подъезда нас встретил консьерж. Виктор вышел первым, обошел машину и открыл мою дверь.

— Прошу, — сказал он.

Я остановилась у порога. В доме Аркадия тоже сначала была гостевой спальня — до свадьбы, когда я приезжала после спектаклей. Чужие полотенца, вода у кровати, идеальная вежливость. Виктор снял перчатки и ждал.

— Ключи у меня будут? — спросила я.

— Будут.

— Чтобы выходить. Не просить охрану.

— Я понял.

Он не загораживал вход. Я переступила через порог, ещё раз проверив, что сумка при мне.

В холле не оказалось ни одного портрета хозяина. У Аркадия они были повсюду, вплоть до подписанной фотографии в гостевом туалете. Здесь на стене висела карта — старая, с надорванным уголком. Я смотрела на неё, пока расстёгивала пальто. Виктор снял пальто, повесил его на крючок и указал на диван.

— Ждите здесь. Адвокат будет через пятнадцать минут.

Он ушёл в кабинет. Я села на край дивана и только теперь заметила, что всё ещё держу телефон с пятью процентами заряда. Поставила его на столик. Взяла обратно. Нужно записать хоть адрес этого дома, пока аппарат не выключился.

Через десять минут в дверь позвонили. Пришел мужчина лет пятидесяти, сухой, быстрый, с портфелем из крокодиловой кожи. Он представился как Сергей Ильич и сразу перешел к делу, не садясь.

— Марина Вольская, нам нужны детали договора поручительства. Всё, что вспомните о его условиях. Где вы ставили подписи? Были ли свидетели?

Сергей Ильич открыл блокнот. Меня впервые попросили вспомнить, а не велели заткнуться. Но слова путались: сначала чашка, потом маслénка, потом «поручительство». Адвокат терпеливо вернул меня к началу.

— Что стояло в заголовке?

Я прикрыла глаза. Ручка заслоняла первые буквы. Я сама отвела её, сама увидела слово, а всё равно подписала.

— Я... я не помню всех сумм, — начала я, голос предательски ломался. — Он говорил, это формальность...

Сергей Ильич вздохнул. Тяжело, профессионально.

— Формальности стоят дороже всего. Нам нужно подтверждение мошенничества. Без доказательств мы сможем лишь тянуть время, но не остановить взыскание полностью.

Он задал следующий вопрос, а я всё ещё отвечала на первый у себя в голове. Нужно было назвать сумму. Я вспомнила, как Аркадий стучал ногтем по странице, и почему-то услышала этот стук в комнате Виктора. Отодвинула бланк.

— Дайте минуту.

В этот момент Виктор вернулся из кабинета. Он не стал ничего говорить адвокату. Подошёл к столу, куда адвокат разложил бланки, и положил свою руку поверх моей. Он прижал мою ладонь к столу — я никак не могла перестать теревить бланк. Бумага перестала шуршать. От этого наконец услышала вопрос адвоката.

— Она в шоке, — коротко сказал он Сергею Ильичу. — Продолжайте. Я обеспечу доступ к архивам переписки.

Адвокат кивнул и принялся за работу. Я сидела, глядя на руку Виктора на столе. Потом он убрал руку. Я дотянулась до бланка сама. Соседняя клетка была пустой, и в неё можно было вписать только одно: сумму я не помню. Адвокат не стал за это ругать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.